

ФИЗИОЛОГИЯ

УДК 612.821.616.85

Н.Е.Ревина

КОНФЛИКТ, СТРЕСС, НЕВРОЗ

Институт медицинского образования НовГУ

As a result of various points of view the conclusion has been made that when studying the conflict as the cause of stresses and neuroses it is very important to make a comparative analysis of tipological characteristics of a personality, his motivation range of activity and vegetative supply of these characteristics.

В нейрпсихологии принято считать, что конфликт как самостоятельное явление в границах ЦНС приводит к развитию психоэмоционального напряжения и к активации психических форм защиты от этого напряжения: рационализации, проекции, фантазирования, вытеснения, идентификации и др. [1,2]. Столь широкое «реагирование» на конфликт-индуцированное напряжение иногда считают чуть ли не универсальным, фактором инициации поведенческой и психической активности, которое обретает функции «ведущего стимула жизнеутверждения, созидания, развития» [3]. Впрочем, следует ограничить такое одностороннее толкование роли стресса и напряжения и согласиться также и с мнением, высказанным П.Фрессом [4]. Он предложил рассматривать конфликт и стресс как состояния, во время которых проявляются нарушения процессов адаптации. Эта точка зрения совпадает с представлениями научной школы П.К.Анохина — К.В.Судакова об эмоциональном стрессе как следствии длительного неудовлетворения биологических или социальных потребностей и возникающего на этой почве застойного эмоционального возбуждения с последующей дезинтеграцией физиологических функций [5,6].

Принято считать, что стресс (классический, эмоциональный и др.) всегда есть порождение конфликта между «необходимостью и невозможностью» [3] реализовать ту или иную функцию (гомеостатическую, поведенческую и др.). В свою очередь сам конфликт рассматривают не в качестве событийной категории, а как специфическое состояние или даже явление ЦНС, когда на субъект действуют как минимум две эквивалентные, но несовместимые (разнонаправленные) силы. В свое время К.Левин [7], а затем Н.Миллер [8] предложили классификацию конфликтов, сопровождающихся состоянием неспецифического напряжения и дисбаланса мотивационно-эмоциональных отношений. Они предположили также, что «энергия» неразрешенного конфликта находит выход в различные виды деятельности, по-видимому, имеющие собственную мотивационную окраску. Р.Хайнд [9], например, считал, что «смещение» целей поведения проявляется при конфликте внешне «неуместной деятельностью, вызванной энер-

гией, не относящейся к делу». Однако Д.Макфарленд [10] категорически не согласился с этой точкой зрения и признал наличие специальной мотивации для «смещенной» активности, отметив, что она возникает на свои собственные стимулы и обозначил ее как «автотонную форму» поведения. Многие исследователи и в настоящее время считают, что в конфликте может возникать самостоятельное, мотивационно обусловленное специфическое состояние. Оно формируется как результат центрально-периферических реинтеграций функций при психоэмоциональном напряжении и, по-видимому, имеет свой собственный соматовегетативный «портрет» и гуморальное сопровождение [11]. Более того, изучая внешние проявления конфликта у животных в режиме фиксированного подкрепления, некоторые исследователи даже усмотрели в них признаки «третьего класса» поведения. При этом подразумевалось, что первые два типа поведенческой активности у животных включают врожденное и «оперантное» поведение, а третий — конфликт-индуцированное.

Подобная дискуссионная точка зрения вполне созвучна теоретическому тезису Х.Хайне, что конфликт и стресс предоставляют организму «возможность освободиться от одних форм поведения и развить на их месте новые» [12]. Это мнение находится в контексте теоретического положения А.Маслоу [13] о «дефицитарных состояниях и мотивациях роста», а также тезиса Ж.Нюттена о том, что функцией мотиваций в конфликте является не только удовлетворение исходной потребности, но и «создание новых напряжений» [14]. При этом имеется в виду, что «новое напряжение» представляет собой новое по модальности мотивационное возбуждение. В этом случае следует говорить не о возникновении новой мотивации в смысле внезапного (спонтанного) приобретения субъектом новых потребностей или побуждений, а об «экспансии (распространении, иррадиации) существующей мотивации на достижение новых объектов» [14]. Действительно, преодоление внутреннего конфликта является энергозатратным процессом и всегда проходит через противостояние основных нервных процессов — возбуждения и торможения. В физиологии высшей нервной деятельности нейро-

конфликт воспринимается как необходимое звено переделки условно-рефлекторных навыков, внешне проявляющийся в виде ориентировочно-исследовательской активности. Так, Е.Ф.Полежаев считал, что «нейроконфликт по существу пронизывает весь целеполагающий процесс» и является нервно-психической моделью именно тех противоречий, которые обнаружены в структуре действительности, когда «двойственность подвергается превращению в цель с однозначным вектором действия» [15]

В исследованиях этологов конфликт при психоэмоциональном напряжении обозначают как фактор, приводящий к «подавлению всех реакций кроме одной», «чередованию», «амбивалентному поведению» и др. В клинической физиологии «трудное состояние» при конфликте характеризуется широким спектром динамических психоэмоциональных сдвигов в виде раздражительности, тревожности, сверхнастойчивости и стереотипности поведения, нарушения сна и др. Очевидно, что во время этих состояний создаются условия разрушения текущей целенаправленной деятельности и формирования новой.

В частности, конкретные нейрофизиологические исследования показали особенности процессов интеграции нового мотивационного возбуждения непосредственно при конфликте. Так, обнаружено, что нервные клетки гипоталамуса и коры мозга у животных могут принимать участие в формировании мотивационного возбуждения новой модальности (комфортного поведения, оборонительной активности и др.) еще в процессе конфликтной реализации предшествующей мотивации (пищевой) [16]. Это указывает на возможность количественно-качественных преобразований модальностных свойств доминирующих мотиваций непосредственно в конфликте. В принципе, эти данные демонстрируют правомерность так остро и несправедливо критикуемых метапсихологических утверждений в системе взглядов классического психоанализа [17]. Это касается интерпретации конфликта как «некоторой внутренней силы саморазвития»; в частности развития форм влечений новой модальности на базе старых трансформированных. Они являются также и иллюстрацией более обобщенного тезиса А.Адлера [17] о том, что «стремление к гиперкомпенсации своего мотивационно-эмоционального ущерба (дефицита) является механизмом развития невротической личности», как нам представляется, — на самостоятельной мотивационной основе.

Клинические проявления невроза, как известно, концентрируются вокруг трех типов устойчивых психоэмоциональных расстройств: неврастенических, истерических и обсессивно-фобических [18,19]. Каждая из этих форм расстройств характеризуется специфическими клиническими проявлениями, особенностями течения, трудностями дифференциального диагноза. Однако все они имеют и общие звенья, например вовлечение в невроз механизмов основных влечений и мотиваций [20]. Это представляется важным, поскольку на этой основе возникают новые мотивации, дифференциация ценностей и новые цели поведения, характерные не только для невротической личности, но и в границах физиологической нормы.

Конфликт как причина развития стресса и неврозов, так же, как и его разрешение, связан с типовой исходной иерархизацией ценностей каждого субъекта. Влечения к преодолению конфликта или его избеганию, а также к внешне парадоксальному сохранению или даже удержанию составляют важнейшие первичные личностные характеристики субъекта [18,19,21]. В этой цепочке рассуждений центральным остается вопрос: насколько специфичным являются изменения в работе периферических органов (например, сердца) в этих условиях?

В научной литературе интерес к перманентным и пароксизмальным вегетативным нарушениям при конфликтах, стрессе и неврозах никогда не угасал [16,21].

В этом отношении следует упомянуть теорию «специфического эмоционального конфликта», согласно которой энергия конфликтной ситуации находит выход к периферическим органам, на уровне которых осуществляется «соотношение специфических эмоциональных конфликтов со специфическими органическими системами». Однако это представление не избежало критики в силу априорности исходных положений и терминов [22,23]. Следует упомянуть также и концепцию «персонального профиля личности» [20], построенную на сходстве личностных характеристик пациентов, страдающих одними и теми же психосоматическими заболеваниями. Автор описала специфические профили личности людей, склонных к заболеваниям сахарным диабетом, нарушениям сердечного ритма и даже предрасположенным к травматизации. Важное значение в толковании «психосоматического личностного профиля» человека приобретала и концепция «реактивного стереотипа». Согласно этим представлениям, специфичным в психосоматическом заболевании следует считать реакцию конкретного организма на стрессогенные факторы, которая всегда повторяема и имеет свои собственные паттерны. В этой концепции абсолютизируются индивидуальные реакции физиологических систем на психоэмоциональный стресс и конфликт. При этом практически не учитывается «содержательная сторона» конфликта и стресса. Противоположным образом концепция «специфичного стимула» [20] связывала конфликты определенного типа со строго соответствующими им соматическими заболеваниями.

Таким образом, объективизация центрально-периферических отношений при конфликте, который является первопричиной стресса и неврозов, приобрела особое значение. Как мы указывали, конфликт в случае его активного развития и даже автономизации [13] всегда отражает напряжение физиологических функций еще до их переориентации в русло патологических процессов. Поэтому изучение исходных, базовых информационных процессов в ведущих морфо-функциональных системах и гуморальных средах (кардиогемодинамической, гормональной, иммунной и др.) является адекватным методологическим подходом к исследованию сомато-вегетативного «портрета» личности при конфликте, стрессе и неврозе. При этом наиболее важное значе-

ние приобретает сопоставительный анализ типологических особенностей личности человека, его мотивационного спектра активности и их вегетативного обеспечения.

Учет этих факторов и их корректная интерпретация с позиции системного анализа организации физиологических функций является гарантией успеха предпринимаемых усилий в области профилактики и лечения психосоматических расстройств.

1. Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1978. 270 с.
2. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М.: Медицина, 1981. 278 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 199 с.
4. Фресс П. Эмоции. Экспериментальная физиология. Вып. V. М., 1975. См. гл. XVI. С.111–195.
5. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 548 с.
6. Судаков К.В. Системные механизмы эмоционального стресса. М.: Медицина, 1981. 229 с.
7. Levin K. Psychologie dynamique. Paris, 1959. 286 p.
8. Miller N.E. // Psychol. Bull. 1937. №34. P.720.
9. Хайнд Р. Поведение животных. М.: Наука, 2003. 650 с.
10. McFarland D. Animal Behavior. Oxford, 1985. 518 p.
11. Котов А.В., Лосева Т.Н., Певцова Е.И., Рабичев И.Э., Ревина Н.Е., Фомина С.В. // Интегративная деятельность мозга: Тр. I Межведомств. науч. совета по эксперимент. и прикл. физиологии / Под ред. К.В.Судакова. М.: НИИИФ им. П.К.Анохина РАМН. Т.9. С.47–53.
12. Хайне Х. Биология стресса // Биол. медицина. 2002. Т.1. С.7–9.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. М., 1998. 352 с.
14. Нюттен Ж. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1975. 284 с.
15. Полежаев Е.Ф. Нейроконфликтная природа целеполагающего процесса // Психологические механизмы целеобразования. М.: Педагогика, 1977. С.233–250.
16. Котов А.В. // Психологич. журн. 2000. №6. С.58–65.
17. Adler A. Über der nervösen Charakter. Munchen, 1922. 172 s.
18. Айрапетянц М.Г., Вейн А.И. Неврозы в эксперименте и в клинике. М.: Наука, 1987. 272 с.
19. Вейн А.М. с соавт. Вегетативные расстройства: клиника, диагностика, лечение. М., 1998. С.4.
20. Dunbar F. Emotions and bodily changes. NY: Columbia University Press, 1954. 1192 p.
21. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. 368 с.
22. Пайяр Ж. Применение физиологических показателей в психологии. М.: Прогресс, 1970. С.203.
23. Alexander F. Psychosomatic medicine, its principles and applications. NY, 1950. 607 p.